

УДК 343.9

DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(1).20-29

ПОЗИТИВНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ В БОРЬБЕ ЗА ЧЕЛОВЕКА

В.А. Номоконов¹, Т.М. Судакова²

¹ Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

² Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

10 сентября 2019 г.

Дата принятия в печать

10 февраля 2020 г.

Дата онлайн-размещения

28 февраля 2020 г.

Ключевые слова

Конвергенция науки; технотехника;
модернизация криминологии;
принципы криминологии; позитивная
криминология

Аннотация. Направления развития современной криминологии, как и прогнозируемые тенденции ее будущего состояния, обусловлены общественными процессами. Стремительное развитие конвергентных технологий как явления нового качества, возникшего в результате интеграции наук, появление технотехники, объединяющей многие аспекты естествознания и техники, где знание социально-практически ориентировано, ставят перед криминологией цели, достижение которых должно быть методологически и практически «инновационно вплетено» в общий контекст развития науки и общества. Какими при этом основными положениями должна руководствоваться в своем развитии криминология — вопрос, требующий безотлагательного разрешения. Позитивная криминология в системе ведущих ориентиров, определяющих в том числе суть ее методологической основы, должна базироваться на принципах конвергентности, универсального гуманизма и ненасильственного разрешения конфликтов, формирования здорового общества, патриотизма, реалистической философии, сохранять традиции прошлого и опережать тенденции современности. Сложным и неопределенным является вопрос об очерчивании предмета новой криминологии в силу сингулярности самих преобразовательных технологий. При этом формирование криминологического мышления должно отталкиваться от необходимости его адаптации к криминально-технологическим угрозам нового типа, возможность бесконтрольного распространения которых очень высока. Конвергентные технологии продуцируют одновременно и множество сложных социогуманитарных проблем — человекобережения, повышения человеческого потенциала и качества жизни, которые криминология уже должна разрешать в направлении повышения качества своего состояния и формирования адекватного наполнения своих будущих основ.

POSITIVE CRIMINOLOGY IN A FIGHT FOR THE HUMAN BEING

Vitaly A. Nomokonov¹, Tatyana M. Sudakova²

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, the Russian Federation

² Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2019 September 10

Accepted

2020 February 10

Available online

2020 February 28

Keywords

Convergence of science; techno-science;
modernization of criminology; principles
of criminology; positive criminology

Abstract. Directions for the development of modern criminology, as well as the predicted trends of its future shape, are determined by social processes. A rapid development of convergence technology, as a phenomenon of a new type that is the result of the integration of sciences and the emergence of the techno-science uniting many aspects of natural sciences and technology where knowledge is society- and practice-oriented, set new goals for criminology. The achievement of these goals should be methodologically and practically «innovatively interwoven» within the general context of scientific and social development. The problem of basic premises that should be used as guiding principles for the development of criminology requires an urgent solution. Positive criminology, in the system of leading goalposts that determine, among other things, the essence of its methodological basis, should be based on the principles of convergence, universal humanism and non-violent conflict resolution, creation of a healthy society, patriotism, realistic philosophy, it should preserve the traditions of the past and be ahead of modern trends. The question of outlining the subject of new criminology is complicated and unclear due to the singularity of transformational technologies themselves. At the same time, the development of criminological mentality should be based on the necessity to adapt it to the criminal and technological threats of a new type, which are highly probable to spread uncontrollably. Convergence technologies simultaneously produce a multitude of complex socio-humanitarian problems — preservation of humans, improvement of the human potential and the standard of living — that should be solved by criminology from the standpoint of improving its quality and creating an adequate content of its future basics.

Все большее число людей в мире приходит к осознанию того, что человечество приблизилось к критической черте, за которой вырисовывается реальная возможность краха существующего жизненного уклада и высокая вероятность гибели человечества. Сегодня мы видим парадокс: преступность повсеместно вроде бы снижается, а степень общественной безопасности никак не повышается. В результате социальных потрясений, раскола на благополучное меньшинство и обездоленное большинство, религиозных и этнических конфликтов, паразитирования одной части человечества на другой его части, локальных войн, терроризма, насилия, эпидемий существование человечества находится под угрозой.

По многим отрицательным показателям Россия входит в группу «лидирующих» государств мира: по запредельному имущественному разрыву между бедными и богатыми, потреблению алкоголя на душу населения, курению, самоубийствам, абортam. С точки зрения социальной стабильности критическим считается расслоение в обществе, когда соотношение доходов 10 % самых богатых и 10 % самых бедных (децильный коэффициент) превышает показатель 8. Сейчас у нас этот коэффициент, по официальным оценкам, достигает 15–17, а по неофициальным — превышает 30. Такой пропасти между бедными и богатыми нет ни в одном государстве Запада и в абсолютном большинстве стран Востока. Страна деградирует при потреблении 8 литров чистого алкоголя в год на душу населения. У нас потребляется 18 литров. Россия занимает первое место в мире по курению: у нас курит свыше 60 % мужчин и 22 % женщин. При 40 самоубийствах на 100 тыс. жителей в год страна пребывает в коллапсе, мы достигли и этой величины. И если на одни роды у нас приходится от 1,0 до 1,6 аборта, это значит, что большинство жителей страны не видят будущего, не верят в него [1].

Есть ли альтернатива? Сегодня все более явно ощущается потребность в создании концептуальных основ новой криминологии как интегративной науки с перспективным использованием идей, выдвинутых и обоснованных философией и психологией, но до сих пор не включавшихся в методологию криминологической науки. Необходимость формулировки принципов, или базовых ориентиров, новой криминологии, которую предлагаем именовать позитивной, является закономерным шагом в этом направлении.

Может возникнуть вопрос о правомерности термина «позитивная» по отношению к криминологии. Речь, разумеется, не идет о «позитивности» преступления и преступника. На наш взгляд, также некорректно было бы говорить и о «нормальности» преступности, как это делает, например, Я.И. Гилинский, с учетом того, что она, как известно, закономерное и исторически обусловленное явление [2]. Зло не перестает быть злом, даже если оно закономерно, причинно обусловлено. Речь об ином, более взвешенном, нерепрессивном подходе к оценке как причин преступного поведения, так и способов воздействия на личность преступника, альтернативных карательным. Возможно, более уместно было бы использовать термин «интегральная» криминология, понимая под этим целостное интегративное видение криминальной реальности и ее носителей, что представляется крайне важным. Тем не менее вполне уместно и своевременно обоснование нового перспективного направления именно как позитивной криминологии с учетом акцента на поиске конструктивного и более гуманного (чем традиционные) подхода к разрешению нынешних и будущих конфликтов между личностью и государством, выразившихся в совершении преступлений. Как известно, современные психологи, начиная с С. Селигмана, сегодня все больше уходят от традиционных, репрессивных представлений и все более активно развивают так называемую позитивную психологию [3–5]. В нашей стране подход к личности, учитывающий ее лучшие, позитивные стороны, на практике успешно реализовал выдающийся педагог А.С. Макаренко, а сегодня он продолжает применяться школой Амонашвили и др. Позитивная криминология должна базироваться на следующих принципах:

1. Один из принципов позитивной криминологии должен заключаться в конвергенции, расширении методологического и теоретического инструментария криминологии, объединении усилий представителей всех гуманитарных и даже естественных и точных наук. Такие предложения уже сделаны, и их, безусловно, следует поддержать. Но вместе с тем надо видеть и более масштабную задачу, связанную с использованием еще большего объема информации, накопленной в целом в гуманитарных (да и не только) науках. Трудность разрешения целого ряда проблем, на наш взгляд, обусловлена чрезмерной узостью поля зрения отдельных наук. Сегодня нужна интегративная

криминология, реализующая так называемый интегративный подход. Идея конвергенции (слияния) разных отраслей знания в целях решения общей задачи уже, пожалуй, отстояла свое право на существование [6]. Однако в криминологии к реальному применению данного подхода еще практически не приступали (за исключением В.Н. Фадеева [7]).

И в данном аспекте следует сделать ряд предварительных ремарок. *Во-первых*, развитие конвергентных технологий сегодня — реальность, стремительно вошедшая в нашу жизнь и столь же стремительно развивающаяся в последнее десятилетие. Важным для нас является понимание конвергенции как процесса интеграции, взаимопроникновения и взаимообогащения разнородных технологий, приводящего к возникновению нового качества, новых продуктов, меняющих мир. Вместе с тем эти процессы взаимодействия, конкуренции, синергизма различных дисциплин и технологий сопровождаются технологической неопределенностью их результатов, т.е. сингулярностью, детерминированной возможностью не только позитивного, но и негативного воздействия на общество и человека в результате стремительного потока инноваций и сопутствующих им и закономерно возникающих проблем этического, морального, социального, иными словами, гуманитарного плана. Новые технологии не только создают новые возможности, но и приводят к возникновению новых рисков для общества. В данном состоянии прогнозируемого и уже реализуемого научно-технического прогресса актуализируются проблемы человекобережения, повышения человеческого потенциала и качества жизни и применения социогуманного подхода [8–16].

При этом формирование криминологического мышления должно отталкиваться от необходимости его адаптации к криминально-технологическим угрозам нового типа, возможность бесконтрольного распространения которых очень высока. Сегодня в условиях интенсификации НБИКС-технологий, с учетом новейших достижений в области многих естественных наук, а также когнитивных разработок, наработок в области психиатрии, психогенетики, бионики и т.д. создание сложнотехнологичной системы безопасности человека как биосоциального существа является насущной необходимостью, которая широко обсуждается на разных уровнях научного познания, прежде всего на уровне философского осмысления [8; 17]. Изучаемый

учеными вопрос изолированности социогуманитарных исследований от процесса развития и внедрения в практику НБИКС-технологий лишь утверждает существующие опасения в отношении безопасного для человека использования технологического потенциала [18; 19].

Во-вторых, программы радикальных преобразований человеческой природы, уже сегодня ставшие реальностью и определяемые учеными как большой антропологический взрыв, параллельно актуализируют вопросы гуманитарной экспертизы с ее экзистенциальными рисками вследствие отстраненности технологий от их этического осмысления [20]. Кроме того, опасности криминологического рода присутствуют и в новейших нанотехнологиях (реализация которых вполне реалистична в ближайшей перспективе) с их возможностями корректировки тонких нейронных структур или даже добавления органов чувств. Не случайно уже сейчас слышны голоса ученых, предлагающих в качестве более перспективных направлений нанотехнологических трансформаций такого рода технологии, связанные не с изменением человеком своей природы, а с созданием инновационных, но *автономных* интеллектуальных устройств [17]. И в таких предложениях криминологическое мышление должно увидеть, скорее всего, целесообразный подход, нейтрализующий возможности управления человеком с синтезированными (усовершенствованными) физиолого-когнитивными способностями.

В данном аспекте чрезвычайно важным для криминологии является и вопрос о том, как определить ее предметное поле в формирующейся синергии, где важность именно когнитивных исследований, включенных в социогуманитарный контекст, очевидна [21]. А если они включены в общий контекст НБИКС-методологии, то где место криминологии в их синтезе? Осознание сущности и особенностей личности преступника, корней преступности с помощью конвергентного знания, сформированного вместе с криминологами, изучающими внутренний мир преступников, — предлагаемый компетентный шаг к созданию системы, позволяющей будущему обществу противостоять преступности, который следует поддержать.

Проблема общего языка и унифицированной терминологии, понятной всем включенным в развитие конвергентных технологий специалистам, стала уже не столько научно-теоретической, сколько методологической, так как

предполагает выход на иной, философский уровень абстракции. Следует согласиться с экспертами, что современное развитие конвергентных технологий по-новому ставит многие «старые философские проблемы и выдвигает на первый план целый ряд новых методологических, социальных, когнитивных и т.п. проблем, осмысление которых требует высокого философского уровня» [8].

В последнее десятилетие о необходимости повышения результативности науки, важности не только фундаментальных, но и прикладных исследований и разработки новых технологий при их ориентации на решение прикладных задач современной действительности заявляет все большее число специалистов. Поэтому внедрение конвергентных технологий — это проблема взаимодействия науки с современным обществом, а в интересующем нас контексте — это проблема «криминальной уязвимости» таких технологий и возможности приобретения «общего языка» теории и практики противодействия преступности с когнитивными прежде всего и, безусловно, иными НБИКС-технологиями [там же].

Происходящие сегодня изменения структуры самой науки, вызванные развитием конвергентности, синергизма, холизма как принципов иной стратегии познания и базирующиеся на неразрывности исследований с практикой создания новых технологий, сформировали новое понимание знания, определяемого технотехнологией. Это новая парадигма научности, основным методологическим инструментарием которой является модель взаимодействия знания и общества, в которой знание социально-практически ориентировано, наука и производство сращены. Технонаука представляет собой новую форму организации науки, интегрирующей многие аспекты как естествознания и техники, так и гуманитарного познания. Фундаментальные исследования претерпевают, таким образом, серьезные структурные трансформации, при этом обозначая острые вопросы современной науки, вызванные стремительным ростом серьезнейших преобразующих сил и средств общественного развития: где критерий истинности социогуманитарного значения? Какие признаки должны быть заложены в оценку достигнутых и прогнозируемых результатов, каковы методы их экспертной оценки и, наконец, критерии этичности и правовые границы? Эти и другие вопросы интересуют криминолога с позиции поиска

и выработки общеметодологического подхода к исследованию современной криминальной реальности и, безусловно, прогнозирования ближайших и отдаленных закономерностей развития преступности и мер ее предупреждения. Если человечество подошло к реализации шестого технологического уклада и не готово его внедрять без адекватных мер социального контроля, с точки зрения развития криминологии чрезвычайно актуальной становится разработка мер контроля за возможными криминальными последствиями его внедрения [20].

В данном направлении следует поддержать вывод о том, что изменение криминологического подхода должно осуществляться в рамках накопленного криминологического знания при его реализации в современном — в контексте научно-технологического развития — обществе с формированием самостоятельного направления криминологии — криминологии высоких технологий [22].

2. Криминология должна базироваться на новой методологической основе — не традиционной вульгарно-материалистической и не религиозно-идеалистической, а так называемой реалистической философии. В одном из новых отечественных учебников впервые в современной отечественной философии представлена позиция реалистического мировоззрения. Реализм понимается как подлинно диалектическое направление, «снимающее» крайности материализма и идеализма и понимающее природу и дух как равнозначные, равновеликие противоположные стороны мироздания [23]. К новому мировоззрению призывают и ученые. Ряд известных мировых специалистов, представляющих различные отрасли знания, в 2014 г. на саммите о постматериалистической науке призвали к тому, чтобы ученые не боялись исследовать духовность и духовный опыт, поскольку они центральный аспект человеческого бытия [24]. Принципиальным в данном направлении признается именно заинтересованное отношение к проблеме человека, а признание реалистической диалектики не есть полное отрицание диалектики материалистической, а лишь новый этап в ее развитии, интегрирующий материальное и духовное и лишенный односторонности и оторванности от жизненных реалий, как полагают ученые [там же]. Именно понимание материи и духа как двух полярных моментов, полностью подчиняющихся диалектическому закону противоречия, позволяет синтезировать недоступные

в отдельности положения материализма и идеализма. Думается, что здесь заложен потенциал для качественного прорыва общественнознания вообще и криминологии в частности.

Вполне заслуженные критические оценки современного и будущего состояния криминологии как кризисного связываются учеными с общим контекстом социального развития, что вполне справедливо и укладывается в существующую доктрину. Диктат общественного прогресса дает импульс модернизации науки, развитие которой является его корреспондирующим фактором, отражающим уклад и специфику данного конкретного этапа существования. Методологические и структурные преобразования в развитии криминологии оказываются тесно вплетенными в общий контекст развития современной науки в целом. И это закономерный и естественный процесс вхождения криминологии в этап трансформации. Вопрос лишь в том, каким образомотреагирует наука о теории и практике противодействия преступности на все множественные инновации с учетом степени ее готовности к этому. В этой связи представляется неоправданным сомнение в необходимости формирования уже сегодня методологического инструментария криминологии, не только тесно увязанного с современным контекстом развития науки в целом, но и обгоняющего его, базирующегося на вероятностных перспективах общественных процессов, т.е. основ «криминологии будущего» [25]. Эти обстоятельства, как представляется, исключают изолированность процессов трансформации методологической основы криминологии.

3. В числе новых подходов можно назвать гуманно-личностный подход. Казалось бы, проблема личности преступника уже и без того всесторонне исследована криминологами и белых пятен не осталось. Однако, как представляется, несмотря на обилие работ, посвященных проблеме личности, в криминологии пока в значительной мере преобладает механистический, упрощенный взгляд на личность преступника. Все громче слышны голоса тех, кто полагает, что не существует разницы между теми, кто совершает преступления, и законопослушными гражданами. Уже общим местом становятся утверждения о том, что в самой природе человека заложена склонность к преступлениям, о том, что прежде всего от случайного стечения обстоятельств зависит, совершит или не совершит преступление конкретный человек, и т.п.

Но если взглянуть на проблему еще более глубоко, встанет вопрос: а в чем сущность любой личности? Только ли в том, что она есть, по Марксу, ансамбль, совокупность, продукт общественных отношений? А может быть, все дело в душе (духовности)? Существует ли она реально и как влияет на поведение, в том числе преступное? А может быть, сущность личности человека — в духовном (добром) начале, без зла? Зло же не сущностное свойство, а некая матрица, привнесенная из прошлых жизней деструктивными силами? Если согласиться с этим, тогда можно ли сказать, что истинная сущность человека может затеняться (или вытесняться) той или иной степенью зла как чуждого человеческой сущности качества?

По своему социальному содержанию каждый человек — продукт социума, а по сущности — носитель духа (частицы Бога / космического разума и т.п.). Может быть, пора криминологии включить в свой предмет сущность личности в этом аспекте?

4. Принцип универсального гуманизма и ненасильственного разрешения конфликтов. На наш взгляд, в критическом переосмыслении нуждается устоявшееся упование на всемогущество силовых вариантов решения социальных проблем, включая преступность. Так, известный американский исследователь врач-психиатр Д. Хокинс на обширном практическом и теоретическом материале пришел к выводу, что простая доброта к себе и ко всему сущему представляет собой самую могущественную силу. Сила всегда ассоциируется с тем, что выступает в поддержку жизни. Она вызывает к благородному началу в человеке, в противоположность насилию, которое обращается к тому, что мы называем грубыми энергиями. Сила стремится к тому, что возвышает и делает человека достойным, — к благородству. Насилие отождествляется им с ущербностью, а сила — с целостностью и совершенством. Насилие всегда порождает силу противодействия; ее влияние заключается в том, чтобы разделять, а не объединять. Разделение всегда подразумевает конфликт; поэтому его цена бывает очень высокой. Если сила вызывает к нашей высшей природе, то насилие обращается к низменным инстинктам. Оно ограничено, сила же не имеет границ. Духовность всегда сопровождается отсутствием насилия [26].

5. Учет причин правомерного поведения. Со дня зарождения криминологии ученые задавались вопросом о том, каковы причины как

преступного поведения отдельного индивида, так и преступности как массового социального явления. В разные периоды и в разных странах давались разные ответы. Но и сегодня проблема далека от своего конструктивного решения, если судить по криминальной статистике. Вместе с тем вне поля зрения остался вопрос, выходящий за пределы собственно криминологии: а каковы причины социально приемлемого, социально одобряемого поведения? А ведь ответ на него мог бы существенно помочь и криминологам.

Криминологи увидели связь преступного поведения с феноменом так называемого отчуждения: отстраненность от общества, других людей, собственности и даже нередко и собственной личности лежит в основе такого поведения. Вот этот разрыв органической связи личности с социумом травмирует и деформирует ее, делает человека несчастным и ущербным.

Известный эзотерик Виталий Гиберт утверждает: «...не бывает злых людей, темных, есть всего лишь люди очень обиженные. И эти обиды вокруг человека образуют черную шелуху. Я искренне верю, что у каждого, даже самого подлого или мерзкого на ваш взгляд человека есть светлое ядро. Глядя в него, в его ядро, я, прежде всего, проникаю в чистоту его души. Я не обращаю внимания на то навязанное в нем, на шелуху снаружи. Копаю глубже и обращаюсь к нему светлому. И человек, от того, что хоть кто-то его любит, несмотря на его проявления, начинает расцветать. И все лишнее само отваливается» [27].

Криминологи и психологи давно заметили, что насильственные преступники в детстве или в юности поголовно пережили опыт унижения, насилия над ними, и впоследствии они начинают мстить, и уже не только обидчикам, но и ни в чем не повинным людям. Любое преступление всегда — это не только вина, но и беда, драматическая ошибка лица в выборе жизненного пути или конкретного варианта поведения. Но как добиться осознания этого самим виновным? Как добиться покаяния, без которого остается высокой вероятность повторения подобной ошибки?

Подлинная философия и психология учат, что человек, имея правильно сформированное, здоровое, свободное от деменции сознание, не может причинять боль, страдание и даже просто неудобство другому человеку. Он может только добродетельно помогать другому сформировать правильное, здоровое сознание и обустроить достойную жизнь себе и своим близким.

Человек идет на нарушение норм морали и права в попытке компенсировать собственную внезапно возникшую или хроническую, социальную, психологическую, моральную, психическую или даже физическую ущербность. Возникают две основные мотивации — агрессия и (или) корысть. Агрессия позволяет как бы возвыситься самому за счет ближнего — за счет унижения потерпевшего и (или) насилия над ним. Корысть заключается в стремлении к личной имущественной выгоде, присвоении чужого, получении незаслуженного/незаконного преимущества, т.е. в желании возвыситься над другими (или даже всеми) в материальном плане. И первая, и вторая мотивация возможна постольку, поскольку другие люди воспринимаются лишь как средства для достижения своих целей.

Философы, психологи, эзотерики в один голос говорят о значимости безусловной любви к миру, человечеству, другим людям для сохранения здоровья и обретения гармонии вовне и внутри, а значит, личного счастья. Счастливый человек не может причинить зло, так как его счастье является следствием любви. Любовь же в самом широком смысле есть духовное слияние с объектом любви. Любящий не отчуждается от мира и других людей, ощущает себя гармоничной частью единого целого и поэтому не пытается вредить себе и другим и не воспринимает других лишь как средства для своих целей.

6. Принцип формирования здорового общества. Преступление — это результат социального нездоровья. Здоровье — это равновесие, некий баланс между нашей жизнью и окружающим миром. Это полное физическое, эмоциональное, психологическое и духовное благополучие, т.е. полнота жизни. Это гармония с самим собой и с окружающей средой. В свое время Э. Фромм выдвинул идею здорового общества, имея в виду общество социальной гармонии. К последнему он относил общество, соответствующее потребностям человека. Это такое общество, в котором ни один человек не является средством для другого человека. Нездоровое, ущербное общество, напротив, порождает взаимную вражду, недоверие, превращает человека в объект манипуляций и эксплуатации. Но если человек живет в условиях, противоречащих его природе, основным требованиям его развития и душевного здоровья, то он не может не реагировать на них; он вынужден либо деградировать и погибнуть, либо создать условия, более согласующиеся с его потребностями [28, с. 26, 28, 112, 268; 29].

Мы, конечно, отдаем себе отчет в том, что общество социальной гармонии пока остается далекой мечтой. Однако уверены в том, что осознание человечеством всего того, что мешает быть полноценными людьми, поможет минимизировать криминогенные факторы и двигаться в сторону формирования здорового общества и реального снижения уровня преступности. Маркс говорил: болезнь — это стесненная в своей свободе (т.е. ущербная) жизнь. Но точно так же и преступление — это стесненная в своей свободе жизнь.

7. Принцип развития. Специфика социальных субъектов (человечество, государство, семья, индивид и т.д.) заключается в том, что все они находятся в процессе постоянного движения, взаимодействия, как, впрочем, это происходит и в природе. Но социальное движение — это или постоянное развитие, совершенствование, адаптация, наконец, или, наоборот, обратный процесс: стагнация, застой, деградация и разрушение. Преступность и преступники сегодня совсем не те, что были 40–50 лет назад. Самые «успешные» весьма умело встраиваются в социум, и их уже изучают, в основном политологи. Отставшие от прогресса неудачники, как известно, достаются криминологам. Но и криминологам надо работать с опережением, менять свои стереотипы и изучать новые тенденции и закономерности.

8. Принцип патриотизма. Нет необходимости лишний раз говорить о значимости патриотизма и патриотического воспитания граждан. Представляется, что данный принцип важен не только в воспитательном процессе. Он должен лежать в основе новой криминологии: настоящий патриот — это законопослушный гражданин. Да и криминолога, ненавидящего свою страну, трудно представить. Правда, сами криминологи значимость идеи патриотизма для реального противодействия преступности в должной мере пока не осознали или не обосновали.

Патриотизм — это любовь к своей Родине, стране, своему народу. Но это не какая-то обособленная любовь, это часть общей любви к человечеству, миру. Как хорошо сказал поэт, «все погибает без любви, и все любовью создается». Всем памятные слова из песни «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» мало того что не соответствовали действительности, так еще и объективно провоцировали ложное чувство национальной гордыни. А гордыня, как известно, грех.

Совместим ли патриотизм с космополитизмом? «Космополитизм — идеология мирового гражданства, ставящая интересы всего человечества в целом выше интересов отдельной нации или государства и рассматривающая человека как свободного индивида в рамках Земли»¹. Известно категоричное мнение Л.Н. Толстого о том, что патриотизм — это пережиток варварских времен, зло, неизбежно ведущее к агрессии и вражде. Напротив, в советское время осуждался так называемый безродный космополитизм, который подвергался критике за пропаганду безразличия к национальным традициям, пренебрежения национальной культурой. Думается, что истина посередине. Здоровый, не квасной патриотизм уравнивается любовью к человечеству в целом и предполагает признание равноценными всех наций и народов.

Патриотизм предполагает определенную национальную идею. Однако, как известно, Конституция РФ (в редакции 1993 г.) запретила государственную идеологию. На чем же тогда без духовного компаса народа будет держаться патриотизм? На фактически утвердившейся компрадорской идеологии капитализма? Возможно, поэтому так и не увенчались успехом попытки сформулировать единую национальную идею. А почему бы не признать в качестве таковой духовно-нравственное возрождение и развитие России?

Патриотизм — это еще и ответственность за страну и народ. Ответственность предполагает не слепую безоглядную любовь, а высокую требовательность, взыскательность по отношению к себе, согражданам и руководителям. Это означает и соблюдение законности, честности государством и его гражданами в конкуренции, спорте, недопустимость «победы любой ценой» и т.п. Это означает и право на критику как властей, так и некоторых народных «традиций» типа пьянства или склонности к коррупции.

Истинный патриотизм предполагает уважительное отношение к иной, нежели официальная, точке зрения, без наклеивания ярлыков («пятая колонна») и охоты на ведьм. Увы, наша действительность совсем иная.

Любовь к Родине не равнозначна любви к государству и тем более к ее правителям, здесь возможны варианты. Когда говорят: «Люблю страну, но ненавижу государство», это, конечно,

¹ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D1%81%D0%BC%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%BC>.

но, плохо, но не обязательно свидетельствует об отсутствии патриотизма и не должно быть наказуемо. Насильно мил не будешь. Как писал Евтушенко, «дай бог, чтобы твоя страна тебя не пнула сапожищем».

Патриотизм не может быть основан на ненависти к другим странам, народам и этносам, иначе он трансформируется в национализм и даже фашизм. Можно не без оснований относиться, например, к США как к государству-паразиту, но следует уважать американский народ и его руководителей, впрочем, как и другие народы, включая Украину, Грузию и т.д.

Слова из популярной песни «Мой дружище, слава богу, есть у нас враги, значит, есть, наверно, и друзья» не кажутся сегодня столь безобидными, как раньше. Разделение людей на врагов

и друзей провоцирует столкновения, конфликты и войны, а ведь худой мир лучше всякой доброй ссоры.

Вне зависимости от того или иного ответа на поставленные выше вопросы бесспорно, что параметры и направления развития отечественной криминологии в существенной степени будут зависеть от формата и степени совершенства будущего общества. Общества, которое будет всячески содействовать развитию и внедрению рекомендаций новой криминологии, понимая ее вклад в реальное позитивное воздействие на общественные отношения, помогая вытеснять преступность. Либо, наоборот, исподволь деградирующее государство не увидит необходимости в новых подходах со всеми вытекающими отсюда последствиями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Обухов В.Л. Россия на распутье / В.Л. Обухов // Будущее России в свете реалистической философии : материалы междунар. науч. конф. — Санкт-Петербург, 2010. — С. 3–16.
2. Гилинский Я.И. Нормальность девиантности / Я.И. Гилинский // Феноменология и профилактика девиантного поведения : материалы 13-й Всерос. науч.-практ. конф. — Краснодар, 2019. — С. 64–68.
3. Seligman M. Authentic Happiness. Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment / M. Seligman. — New York : PocketBooks, 2002. — 336 p.
4. Селигман М. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни / М. Селигман. — Москва : София, 2006. — 367 с.
5. Позитивная психология личности / Р.М. Шамянов, И.Е. Гарбер, Е.Е. Бочарова [и др.] ; под ред. Р.М. Шамянова. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2018. — 200 с.
6. Алиева Н.З. Конвергенция в контексте концепций инновационного развития общества / Н.З. Алиева // Современные проблемы науки и образования. — 2012. — № 6. — С. 685.
7. Судьба России — судьба человечества / В.Н. Фадеев, И.А. Янушевский, С.А. Мезенцев, С.С. Ласточкин. — Москва : Моск. ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2018. — 555 с.
8. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы круглого стола) / В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, И.Ю. Алексеева [и др.] // Вопросы философии. — 2012. — № 12. — С. 3–23.
9. Кричевский Г. XXI век. Камо грядеши? Роль конвергентных NBICS-технологий / Г. Кричевский // Нанотехнологическое общество России. — URL: <https://www.rusnor.org/pubs/reviews/12585.htm>.
10. Anissimov M. Our Accelerating Future / M. Anissimov. — Berkeley : Zenit Books, 2015. — 233 p.
11. Bell G. Digital Immortality / G. Bell, J. Gray // Association for Computing Machinery. Communications of the ACM. — 2001. — Vol. 44, № 3. — P. 28–31.
12. Bueno O. The Drexler-Smalley Debate on Nanotechnology: Incommensurability at Work? / O. Bueno // International Journal for Philosophy of Chemistry. — 2004. — Vol. 10, № 2. — P. 83–98.
13. Анохов И.В. Движущие силы Индустрии 4.0 и ее последствия для человека и экономики. Новые основания для сборки общества / И.В. Анохов. — DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(3).379-387 // Известия Байкальского государственного университета. — 2019. — Т. 29, № 3. — С. 379–387.
14. Суходолов А.П. Союз «лириков» и «физиков» в условиях применения цифровых технологий / А.П. Суходолов, С.В. Тимофеев. — DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(4).570-575 // Известия Байкальского государственного университета. — 2018. — Т. 28, № 4. — С. 570–575.
15. Степаненко А.С. Перспективы развития искусственного интеллекта в научном освоении мира / А.С. Степаненко, Д.А. Степаненко. — DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(4).1 // Baikal Research Journal. — 2019. — Т. 10, № 4. — URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=23387>.
16. Муzychuk Т.Л. IV технологическая революция как вызов вузовскому сообществу / Т.Л. Муzychuk, А.М. Бычкова. — DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(4).581-586 // Известия Байкальского государственного университета. — 2019. — Т. 29, № 4. — С. 581–586.
17. Кудашов В.И. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / В.И. Кудашов, Н.В. Омельченко // Вопросы философии. — 2014. — № 8. — С. 176–181.
18. Шевченко Ю.С. Природа человека и конвергентные технологии: философское осмысление / Ю.С. Шевченко, Н.З. Алиева // Global International Scientific Analytical Project. — URL: <https://gisap.eu/ru/node/913>.
19. Баксанский О.Е. Методология конвергенции как фундаментальное основание современного познания / О.Е. Баксанский // Коллекция гуманитарных исследований. — 2017. — № 2 (5). — С. 6–13.

20. Черникова И.В. Методологические и структурные трансформации в развитии современной науки / И.В. Черникова, Д.В. Черникова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2019. — № 49. — С. 60–68.
21. Фадеев В.Н. Будущее криминологии — криминология будущего / В.Н. Фадеев // Наука и жизнь Казахстана. — 2019. — № 8. — С. 40–75.
22. Игнатов А.Н. «Криминология завтра» нужна уже сегодня / А.Н. Игнатов // Общество и право. — 2016. — № 4 (58). — С. 94–99.
23. Обухов В.Л. Реалистическая философия / В.Л. Обухов, В.П. Сальников, З.С. Алябьева. — Санкт-Петербург : Химиздат, 2009. — 336 с.
24. Манифест постматериалистической науки / М. Боперар, Г.Э. Шварц, Л. Миллер [и др.] ; ред. А. Малахов // Эрос и Космос. — URL: <http://eroskosmos.org/manifesto-of-post-materialistic-science>.
25. Квашиш В.Е. Настоящее и будущее криминологии (пессимистичные заметки оптимиста) / В.Е. Квашиш // Общество и право. — 2019. — № 3 (69). — С. 16–22.
26. Хокинс Д. Сила vs Насилие: скрытые мотивы человеческих поступков / Дэвид Хокинс. — Санкт-Петербург : Весь, 2010. — 303 с.
27. Гиберт В. Моделирование будущего / В. Гиберт. — Санкт-Петербург : Весь, 2013. — 320 с.
28. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе / Э. Фромм. — Москва : АСТ, 2005. — 571 с.
29. Ткачев В.С. Кризисы духовной культуры: к вопросу о подходах к исследованию проблемы типологии / В.С. Ткачев, Е.М. Суранова. — DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(3).3 // Baikal Research Journal. — 2018. — Т. 9, № 3. — URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=22229>.

REFERENCES

1. Obukhov V.L. Russia at the Crossroads. *Budushchee Rossii v svete realisticheskoi filosofii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Future of Russia in the Light of Realistic Philosophy. Materials of International Scientific Conference]. Saint-Petersburg, 2010, pp. 3–16. (In Russian).
2. Gilinskii Ya.I. The Normality of Deviance. *Fenomenologiya i profilaktika deviantnogo povedeniya. Materialy 13-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Phenomenology and Prevention of Deviant Behavior. Materials of the 13th All-Russian Research Conference]. Krasnodar, 2019, pp. 64–68. (In Russian).
3. Seligman M. *Authentic Happiness. Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment*. New York, PocketBooks, 2002. 336 p.
4. Seligman M. *Authentic Happiness. Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment*. New York, PocketBooks, 2002. 336 p. (Russ. ed.: Seligman M. *Novaya pozitivnaya psikhologiya: nauchnyi vzglyad na schast'e i smysl zhizni*. Moscow, Sofiya Publ., 2006. 367 p.).
5. Shamionov R.M., Garber I.E., Bocharova E.E., Fadeeva T.Yu., Golovanova A.A.; Shamionov R.M. (ed.). *Pozitivnaya psikhologiya lichnosti* [Positive Psychology of Personality]. Saratov State University Publ., 2018. 200 p.
6. Alieva N.Z. Convergence in the Context of the Development of Innovative Concepts. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*, 2012, no. 6, pp. 685. (In Russian).
7. Fadeev V.N., Yanushevskii I.A., Mezentshev S.A., Lastochkin S.S. *Sud'ba Rossii — sud'ba chelovechestva* [The Fate of Russia — the Fate of Humanity]. Moscow, Ministry of Internal Affairs of Russian Federation Moscow University Publ., 2018. 555 p.
8. Lektorskii V.A., Pruzhinin B.I., Alekseeva I.Yu., Arshinov V.I., Gorokhov V.G. A convergence of biological, information, nano- and cognitive technologies: a challenge to philosophy (materials of the round table). *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 2012, no. 12, pp. 3–23. (In Russian).
9. Krichvskii G. XXI Century. Quo Vadis? The Role of Convergent NBICS-Technologies. *Nanotekhnologicheskoe obshchestvo Rossii = Nanotechnological Society of Russia*. Available at: <https://www.rusnor.org/pubs/reviews/12585.htm>. (In Russian).
10. Anissimov M. *Our Accelerating Future*. Berkeley, Zenit Books, 2015. 233 p.
11. Bell G., Gray J. Digital Immortality. *Association for Computing Machinery. Communications of the ACM*, 2001, vol. 44, no. 3, pp. 28–31.
12. Bueno O. The Drexler-Smalley Debate on Nanotechnology: Incommensurability at Work? *International Journal for Philosophy of Chemistry*, 2004, vol. 10, no. 2, pp. 83–98.
13. Anokhov I.V. Dynamics of the Industry 4.0 and its Consequences for Man and Economy. New Grounds for Assembling the Society. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2019, vol. 29, no. 3, pp. 379–387. DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(3).379-387. (In Russian).
14. Sukhodolov A.P., Timofeev S.V. Alliance of «Lyricists» and «Physicists» in the Context of Digital Technology Application. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2018, vol. 28, no. 4, pp. 570–575. DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(4).570-575. (In Russian).
15. Stepanenko A.S., Stepanenko D.A. Prospects for Development of Artificial Intelligence in the Scientific Learning of the World. *Baikal Research Journal*, 2019, vol. 10, no. 4. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(4).1. Available at: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=23387>. (In Russian).
16. Muzychuk T.L., Bychkova A.M. 4th Industrial Revolution as a Challenge to the University Community. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2019, vol. 29, no. 4, pp. 581–586. DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(4).581-586. (In Russian).
17. Kudashov V.I., Omelchenko N.V. Global Future 2045. Convergent Technologies (NBICS) and Transhumanist Evolution. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 2014, no. 8, pp. 176–181. (In Russian).
18. Shevchenko Yu.S., Alieva N.Z. Human Nature in the Light of Convergent Technologies: Philosophical Understanding. *Global International Scientific Analytical Project*. Available at: <https://gisap.eu/ru/node/913>. (In Russian).

19. Baksanskii O.E. Convergence Methodology as a Fundamental Basis of Modern Knowledge. *Kollektsiya gumanitarnykh issledovaniy = A Collection of Humanitarian Studies*, 2017, no. 2, pp. 6–13. (In Russian).
20. Chernikova I.V., Chernikova D.V. Methodological and Structural Transformations of the Contemporary Science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2019, no. 49, pp. 60–68. (In Russian).
21. Fadeev V.N. Future of criminology — criminology of the future. *Nauka i zhizn Kazakhstana = Science and Life of Kazakhstan*, 2019, no. 8, pp. 40–75. (In Russian).
22. Ignatov A.N. «Criminology Tomorrow» is Necessary Today. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2016, no. 4 (58), pp. 94–99. (In Russian).
23. Obukhov V.L., Sal'nikov V.P., Alyab'eva Z.S. *Realisticheskaya filosofiya* [Realistic Philosophy]. Saint-Petersburg, Khimizdat Publ., 2009. 336 p.
24. Beauregard M., Schwartz G., Miller L., Dossey L., Moreira-Almeida A. Manifesto for a Post-Materialist Science. *Open Sciences*. Available at: <https://www.opensciences.org/about/manifesto-for-a-post-materialist-science>. (Russ. ed.: Beauregard M., Schwartz G., Miller L., Dossey L., Moreira-Almeida A.; Malakhov A. (ed.). Manifesto for a Post-Materialist Science. *Eros i Kosmos = Eros and Space*. URL: <http://eroskosmos.org/manifesto-of-post-materialistic-science>).
25. Kvashin V.E. Present and Future of Criminology (Pessimistic Notes of an Optimist). *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2019, no. 3 (69), pp. 16–22. (In Russian).
26. Hawkins D.R. *Power versus Force: The Hidden Determinants of Human Behavior*. Carlsbad, Hay House, 1987. 384 p. (Russ. ed.: Hawkins D.R. *Sila vs Nasilie: skrytye motivy chelovecheskikh postupkov*. Saint-Petersburg, Ves' Publ., 2010. 303 p.).
27. Gibert V. *Modelirovanie budushchego* [Modeling the Future]. Saint-Petersburg, Ves' Publ., 2013. 320 p.
28. Fromm E. *Die Entwicklung des Christendogmas. Eine psychoanalytische Studie zur Sozialpsychologischen Funktion der Religion*. Berlin, Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1930. 71 S. (Russ. ed.: Fromm E. *Zdorovoe obshchestvo. Dogmat o Khriste*. Moscow, AST Publ., 2005. 571 p.).
29. Tkachev V.S., Suranova E.M. Crisis of Intellectual Culture: on Issue of Approaches to Studying the Problem of Typology. *Baikal Research Journal*, 2018, vol. 9, no. 3. DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(3).3. Available at: <http://brj-bgupe.ru/reader/article.aspx?id=22229>. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Номоконов Виталий Анатольевич — профессор кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: nomokonov@rambler.ru.

Судакова Татьяна Михайловна — заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института государства и права Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: krime@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Номоконов В.А. Позитивная криминология в борьбе за человека / В.А. Номоконов, Т.М. Судакова. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(1).20-29 // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 1. — С. 20–29.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nomokonov, Vitaly A. — Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: nomokonov@rambler.ru.

Sudakova, Tatyana M. — Head, Chair of State and Law Disciplines, Institute of State and Law, Baikal State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: krime@mail.ru.

FOR CITATION

Nomokonov V.A., Sudakova T.M. Positive criminology in a fight for the human being. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 1, pp. 20–29. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(1).20-29. (In Russian).